

Тоже не была специально петербургским явлением; «героизмом лести» (слова Гегеля) отравлена вся классическая ода; авторы ее возводили себя к Пиндару (которого на деле, после Ронсара, не читал никто), но действительным учителем комплиментарной оды был, из древних, автор «Панегирика Траяну» Плиний Младший.

Остается, повторяем, ода Юнкера 1742 г. лучшее произведение Юнкера, лучшее и единственное талантливое произведение во всем стихотворном наследии петербургской немецкой поэзии. Недаром в Академии наук эта ода долго считалась образцовой. Штриттер (продолжатель Миллеровой истории Академии наук), описывая торжественное заседание Академии наук 29 апреля 1742 г. по случаю коронации Елизаветы Петровны и пересказывая содержание выпущенной по этому случаю программы академических торжеств, об этой оде Юнкера говорит так: *... das Gedicht des H. Juncker. . . welches an Schönheit seine übrigen Gedichte übertreffen soll*⁴² (= «по общему мнению превосходящее»), следовательно, ссылается на установившуюся оценку. Миллер помнит оду Юнкера еще через 16 лет и собирается в 1758 г. послать в Кенигсберг Боку, как лучший образец петербургской немецкой поэзии, «ein Gedicht des seligen H. Juncker. . . welches er den 29 April 1742 in einer öffentlichen Versammlung der Academie abgelesen».⁴³ Итак, через 16 лет после прочтения оды и через 12 лет после смерти автора в академических кругах еще жива память об *opus magnum*⁴⁴ Юнкера. Ниже мы увидим, что эти слова объясняются не одними ее литературными достоинствами (были и более серьезные причины), но и литературно ода 1742 г. Юнкеру удалась; сам Готшед не написал бы лучше. И вот, некоторые темы этой оды сыграли известную роль в тематическом сложении поэзии Ломоносова. Во-первых, формула протяжения России.

У силлабиков мы не нашли ее ни разу. Тредиаковский в парижской оде 1728 г. исчисляет все «славы» России, упоминает даже здоровый климат и единоверие, но о протяжении не говорит ни слова: очевидно, то, что нам теперь кажется общим местом оды, родилось вовсе не сразу и не само собой, а сложным путем тематического развития. Нет протяжения России и в первых одах Тредиаковского после приезда из Парижа, коронационной 1730 г., новогодней 1732 г. и Гданской 1734 г. Есть намек на эту тему в его оде 1742 г.:

О честь Европска и Азийска.⁴⁵

⁴² Там же, с. 550. «Стихотворение г. Юнкера. . . которое, как говорят, красотой превосходит прочие его стихотворения» (нем.).

⁴³ Ломоносов М. В. Соч., т. II, примеч., с. 216 (цитата Сухомлинова из ненапечатанных бумаг Миллера). «Стихотворение покойного г. Юнкера. . . которое было им прочитано 29 апреля 1742 г. на публичном заседании Академии» (нем.).

⁴⁴ «Великое сочинение» (лат.).

⁴⁵ Тредиаковский В. К. Соч. СПб., 1849, т. I, с. 294.